

Love story

Диана Рейго

Отрываясь
от земли

Диана Рейдо

Отрываясь от земли

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=573285

Отрываясь от земли: Издательский Дом «Панорама»; Москва; 2010

ISBN 978-5-7024-2572-6

Аннотация

Для Джастина Брайта настали черные дни: он только что потерял горячо любимую жену. Искреннее сочувствие и попытки друзей и родных морально поддержать его вызывают у Джастина лишь глухое раздражение. Но однажды он случайно наткнулся в толпе на взгляд какой-то девушки и с удивлением понял, что необъяснимым образом ему стало легче рядом с ней. Джастин не искал новой встречи с ней, но судьба вновь свела их, и Джастин решил во что бы то ни стало хотя бы ненадолго удержать подле себя эту удивительную, притягательную, трогательную девушку...

Содержание

Пролог	4
1	5
2	10
3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Диана Рейдо

Отрываясь от земли

Пролог

То, что происходило в тот день, Джастин помнил крайне смутно.

Более честным было бы сказать, что Джастин вообще ничего не помнил.

Краски, звуки и запахи окружающего мира были словно приглушены.

Откуда-то наползал серый туман. Он окутывал сознание Джастина удушливой пеленой, блокировал чувства, притуплял эмоции. Это явление было для Джастина спасительным, но не позволяло понимать, что вообще происходит вокруг.

Нужно было куда-то идти, что-то делать... Слава богу, окружающие ничего и не ждали от него. Все организационные вопросы – с бумагами, разрешениями, со всем прочим были уже решены. Все, что от Джастина требовалось – это сказать несколько слов.

Несколько проникновенных, таких необходимых слов в память об умершей.

Джастин не мог выдать из себя ни звука.

Он словно умер вместе с ней.

Чего вообще они от него хотят?

Ему не нужны ни эти люди вокруг, ни глаза, полные сочувствия, ни слова поддержки и утешения. Однако Джастину приходилось быть здесь. Присутствовать на церемонии. Держаться, черт побери, от начала и до конца.

Кирк, лучший друг Джастина еще со школьной скамьи, был сегодня для него настоящей палочкой-выручалочкой.

Опорой и мощной поддержкой.

Ладно, чего уж там – Кирк выступал в качестве костылей. Он незаметно направлял Джастина в ту сторону, в которую надо было идти. Подталкивал, когда требовалось встать. Сесть. Нести гроб. Кирк чуть ли не довел Джастина до своего автомобиля, когда им пора было ехать на кладбище.

Все, все, все было словно в тумане. Липком, мешающем дышать, заставляющем задыхаться.

Джастин озирался вокруг в поисках поддержки – настоящей. Искал утешения – подлинного. Слова «нам так жаль», «сочувствуем», «приносим свои соболезнования» не работали.

Они не работали! Они не могли ничего исправить, вернуть. Никто не мог ему помочь. Никто.

Единственное, что могло вернуть его к жизни – это голос жены.

Если бы сейчас она внезапно появилась, коснулась бы его руки, сказала бы, что это шутка...

Глупая, бездарная, жестокая, нелепая, безобразная... Зато шутка!!!

Это было невозможно.

Это было необратимо...

На этом свете существуют необратимые вещи, и впервые Джастин со всей отчетливостью, ясным пониманием и неотвратимостью столкнулся с одной из них.

Он пытался припомнить, бывали ли у него когда-то раньше такие же сильные потрясения. Неужели жизнь всегда щадила его? Щадила настолько...

Или все дело было в том, что произошедшее касалось не кого-то, а его покойной жены?

1

Священник произносил слова молитвы. Джастин понимал лишь то, что из его речей он не в силах понять ни слова.

Надгробные речи взялись произносить пришедшие. Джастин вновь ничего не слышал. Теперь в голове безостановочно крутились слова священника. Упокоится... в землю вернешься...

Упокоится?!

Она не должна была бросать его одного, здесь, на этой земле!

У него ведь нет и не было человека ближе, чем она. Все кончено. Все ведь кончено и для него тоже. Для Джастина Брайта, тридцать один год, вдовец.

Не только для нее. Для него тоже.

Внезапно в нем вскипела ледяная, сокрушительная ярость. Как она могла? Как могла? Она ведь обещала.

Вот так же перед ними находился священник, и румянец слегка пунцовел на ее щеках, угадываясь под полупрозрачной фатой.

Что она говорила ему?

Что-то вроде...

Обещала всегда любить. Заботиться... Быть рядом. Всегда.

Неужели все это оказалось ложью?..

Голос разума в голове Джастина сейчас был полностью заглушен отчаянием. Конечно же, никто не имеет власти над своим сроком жизни, над собственной судьбой... И его возлюбленная не виновата. Конечно, нет.

Но... Душа Джастина в это мгновение была полна отчаяния.

Кирк осторожно потряс его за рукав.

– Дружище... С тобой все в порядке? – уточнил он.

Язык с трудом повернулся для произнесения слов «все в порядке». Но других подходящих фраз Кирк не мог сейчас подыскать, как и должных слов утешения.

Джастин молча кивнул. В порядке, мол. Что ты. Ну конечно. Как ты можешь сомневаться?

Хотя только слепой не прочел бы сейчас в глазах Джастина того отчаяния и горя, которые плескались серым морем и не находили выхода.

Джастин стоял прямо, как лейтенант на параде возле королевского дворца. Хотя бы на это у него еще хватало сил.

Позже он будет вспоминать какие-то детали... какие-то мелочи, происходящие в день похорон. И не сможет вспомнить практически ничего.

Словно серая муть милосердно поглотила все то, что причиняло ему невыносимую боль. Он не закрывал глаз, когда лакированный гроб опускали в чуть влажную землю. Но он не мог впоследствии припомнить, как это происходило.

Разумеется, никаких фотографий. Никакой видеосъемки. Он ведь не вконец еще рехнулся. Никаких этих новомодных веяний. От них за милою пахнет сумасшествием... Какой смысл может быть в смаковании горя, своего или чужого?

И еще кое-что Джастин знал совершенно точно.

Он не сможет навещать могилу жены.

Смотреть на памятник, сметать с него паутину и сухие веточки.

Серая гранитная пирамидка в его сознании никак не ассоциировалась с любимой женщиной.

Пусть даже на этой пирамидке висело фото жены, сделанное крупным планом.

Счастливая, смеющаяся блондинка с ясными голубыми глазами, пытающаяся сдуть легкую прядь волос с носа обратно на висок...

Его живая, дышащая, трепетная любимая, с ее нежно-розовой кожей, лучащейся удовольствием и радостью улыбкой...

Нет, ничего общего у его жены и этого серого столбика нет и быть не может. Он уже заплатил кому полагается, чтобы за могилой ухаживали как следует. Но сам Джастин приходить сюда не сможет.

Не хочет...

Он просто не в состоянии делать это!

Стал накрапывать редкий дождь.

– Ты как?

Кирк с неизменным сочувствием смотрел на Джастина.

Его чуть лохматые темно-коричневые брови были встревожено сдвинуты. Кончик носа подрагивал, свидетельствуя о беспокойном нраве своего владельца.

Джастин пожал плечами.

– Все уже закончилось. Люди расходятся...

– А, да... Да...

– Отвезти тебя домой? Поехали, дружище. А еще тебе надо чего-нибудь поесть.

– Я не хочу есть.

– погоди, ты хотя бы завтракал?

– Не помню.

– Не помнишь?..

– Нет, я не ел, – Джастин произнес это уже с легким раздражением.

– Я могу сделать тебе хотя бы омлет. Или гренки с сыром.

Омлет. Гренки. Сыр.

Сыр, куски сыра, тонко нарезанные сырны ломтики...

Яйца, молоко, зелень...

Какое это все может иметь значение?

Нет, он ничего не сможет в себя запихнуть.

Кирк вдруг сообразил:

– Может быть, ты хочешь выпить? Да, точно – тебе надо выпить.

– Зачем? – тусклым голосом произнес Джастин.

– Снимет нервное напряжение, – пояснил Кирк. – Давай заедем в паб, тот, что в центре... я пить не буду. Сам понимаешь, я за рулем. Просто посижу с тобой.

– Нет. Не надо ничего. И вообще... Кирк, прости, я хочу побыть один.

– Понимаю...

– И отвезти меня не надо.

Кирк оторопел:

– Но... почему? Как же ты доберешься?

– Здесь полно муниципального транспорта.

– Что ж... ладно. Но ты позвони, как доберешься до дома. Слышишь? Джастин! Позвони обязательно. Не хватало еще разыскивать тебя по всему городу.

– Позвоню, – тускло произнес Джастин.

Его мобильный телефон был выключен.

Кирк с сомнением смотрел на своего убитого горем друга:

– Знаешь, я все-таки заеду к тебе вечером. Встречу Лизу в аэропорту и сразу же заеду к тебе.

– Не надо...

– Надо.

Кирк помялся, потом все-таки добавил:

– И, знаешь... Давай-ка сюда ключи.

– Какие ключи? – удивился Джастин.

Это был первый проблеск жизни за всю прошедшую неделю.

– Твои. От дома. То есть... лишние. У тебя ведь... есть теперь лишняя связка.

– Ах, да... Да.

– Прости, что напоминаю тебе об этом.

– Ничего. Но зачем тебе ключи?

– Хочу быть уверен, что хотя бы с тобой-то точно все в порядке, – твердо произнес Кирк. – Давай сюда.

Джастин покорно протянул ему связку ключей на раскрытой ладони.

На остановке он дождался какого-то автобуса. Даже не посмотрел на номер. По случайной случайности, автобус следовал именно тем маршрутом, какой нужен был Джастину. Да и ехать тут было всего минут двадцать-двадцать пять...

Но...

И тут Джастин вспомнил, что вообще-то за проезд в общественном транспорте платится.

Одноразовый проездной билет приобретался прямо у водителя. Это все, конечно, замечательно, вот только на что его приобретать? И сколько он стоит?

С момента, когда Джастин устроился на свою вторую работу, он забыл, что такое метро, автобусы, такси и так далее. Он очень быстро приобрел подержанный «форд», потом продал его и купил уже новенькую машину... С тех пор он сменил не один автомобиль. Теперь в его подземном гараже красовался сверкающий бежевыми боками седан «БМВ»... Но это было дома. И от помощи Кирка в доставлении его домой Джастин так бездумно отказался...

– Сколько? – выпалил Джастин, хлопая по карманам черного костюма.

Водитель автобуса назвал стоимость одной поездки.

В карманах не было никакой мелочи. Крупных, впрочем, тоже не было – ни единого фунта.

Черт, это ж надо было приключиться такой нелепости...

– Кредитка?.. – Джастин умоляющим взглядом уставился на водителя.

Но это был не тот случай, где могла сработать безналичная система оплаты.

Джастин медлил на площадке возле входа. Не мог же он пойти домой пешком...

Конечно, не мог. В его состоянии он будет там к полуночи. Если вообще разберет туда дорогу.

Выйти из автобуса и поймать такси? Там он столкнется с той же проблемой.

Джастин еще раз лихорадочно обшарил карманы. Может быть, он не заметил бумажку, не сумел нащупать ее в складках ткани?..

Впрочем, результат оставался прежним.

Водитель понемногу начинал терять терпение.

– Парень, будем платить, или выходим?

Можно, конечно, сказать, что он едет с похорон... Забыл дома кошелек. Или потерял кошелек?

Фу, какая глупость.

Сказать, что с ним случилось несчастье. Давить на жалость. Произнести на весь автобус про... про смерть... нет.

Это исключено.

– Извините, – пробормотал Джастин, разворачиваясь, чтобы покинуть площадку автобуса через гостеприимно распахнутые двери.

– Вот... возьмите...

Джастин обернулся.

Тонкая девичья рука с хрупким запястьем и длинными пальцами протягивала бумажку в несколько фунтов.

Водителю – не ему.

– Не стоит, – проговорил Джастин отчасти удивленно, отчасти решительно.

– Но почему?

В руках у девушки уже была сдача.

Джастин мог смело проходить в салон автобуса, но они продолжали стоять возле кабины водителя.

– Мне неудобно.

Девушка пожала плечами:

– Какая разница... если ехать все равно надо?

– Мало ли кому что надо? Вы всем так помогаете?

Девушка удивленно приподняла брови. Улыбка на ее лице становилась все шире.

– Звучит неплохо, – проговорила она, – вместо «спасибо».

Тут Джастин окончательно смутился.

Пробормотал:

– О, конечно... Спасибо огромное!

Она вновь улыбнулась, на этот раз чуточку лукаво.

– А что касается вашего вопроса... Каждого должна волновать лишь его собственная история.

От этих слов у Джастина внутри что-то екнуло.

– Что вы хотите этим сказать?

– Вас волнует, часто ли я так помогаю людям... Неужели это для вас более важно, чем то, что теперь вы сможете добраться туда, куда вам нужно?

– А вы в самом деле помогаете всем, кто в этом нуждается? Даже если окружающие при этом не честны с вами?

– Я думаю не о себе. Я думаю о тех, кому действительно нужна помощь.

– А как же – лишь собственная история должна волновать?

– Надо же, запомнили... Может, в этом и заключается моя собственная история?

Внезапно Джастин почувствовал огромную усталость. Все, что угодно, лишь бы куда-нибудь приземлиться...

– Простите, – пробормотал он. – И еще раз огромное вам спасибо... за... за билет.

– Не за что, – спокойно кивнула собеседница.

Джастин прошел в автобусный салон, присел на свободное сиденье, которое подвернулось первым. Девушка вернулась, по всей видимости, на свое прежнее место. Теперь их разделяли не то четыре, не то пять метров.

Джастин в полном отупении смотрел перед собой. Время от времени он переводил взгляд за окно. Мимо мелькали витрины, автомобили, фонари, по тротуарам сновали прохожие. Вокруг кипела жизнь... жизнь другая, незнакомая, чужая ему.

И все-таки время от времени Джастин натыкался на взгляд доброжелательной незнакомки. Нет, она не изучала его – ее взгляд так же случайно и произвольно блуждал по салону автобуса. Натыкаясь на взгляд Джастина, она неторопливо отводила глаза, словно показывала, что не разглядывает его бесцеремонно... Но Джастину с каждым разом было все сложнее отводить глаза, уходить от ее взгляда.

В ее глазах не было того сочувствия, которое он уже не мог переносить после всех событий недавнего времени. Она смотрела без жалости, но и без любопытства. А он так устал от жалости, от сопереживания, от вываливаемого на него сочувствия.

Эта незнакомка помогла ему, ничего о нем не зная – и отошла в сторону. Не пришлось ничего объяснять. Его потухший взгляд и траурный костюм не вызвали у нее вопросов. Натыкаясь на ее глаза снова и снова, он не видел там сочувствия и поэтому готов был смотреть в них сколь угодно долго...

Это «сколь угодно долго» продолжалось, наверное, остановок пять.

Девушка вышла возле крупного универсама. Сквозь оконное стекло Джастин видел, как она задрала бледное лицо к небу, но не вздрогнула от холодных дождевых капель, а улыбнулась им навстречу.

Тряхнула блестящими черными волосами. Не стала поднимать капюшон, решительно зашагала по направлению к входу в универсам. Интересно, зачем она туда направляется?

Скоротать вечер в какой-нибудь из кофеен? Одна, над книжкой, с подружкой? С приятелем?

Или же она всего-навсего забежит туда выбрать себе колготки потоньше ввиду весны, которая уже вступила в свои права?

Джастин со вздохом откинулся на мягкую спинку автобусного кресла.

Почему ему это интересно? Наблюдать... Теперь он способен, пожалуй, разве что наблюдать за чужими жизнями. Из окна, украдкой. Это все, что ему остается. Но, будь у него выбор, он предпочел бы вообще ничего не видеть...

Сейчас он выйдет на своей остановке, пройдет полквартиры, войдет в пустой дом...

Ляжет спать на диване в гостиной.

Немыслимым было бы сейчас вновь лечь в супружескую постель, которую больше никогда не сможет разделить с ним его жена.

Джастин с содроганием думал о том, как он дальше сможет спать там.

Поменять все постельное белье? Купить одеяло для одного? Поставить новую кровать, где места будет хватать тоже лишь одному человеку?

Это все не вытравит из его головы мыслей о любимой женщине.

Ладно. В конце концов, сегодня можно довольствоваться ночевкой на диване. И завтра. А потом он решит, есть ли в смене обстановки хоть какой-то чертов смысл.

2

Джастина легко прыгнула с подножки автобуса. Он плавно закрыл за ней свои желтые бесшумные двери. Джастина не имела ничего против того, чтобы доезжать куда бы то ни было на муниципальном транспорте. Некоторые ее знакомые, не имеющие собственных машин, перемещались исключительно на такси.

Тратить последние деньги на то, чтобы тебя куда-то довез водитель, да еще при этом и в пробке подержал? Джастина не понимала подобного подхода к жизни. По ее мнению, это был излишний пафос и ненужный снобизм.

К тому же если у Джастины водились лишние деньги (а такое случалось нечасто), она находила им куда лучшее применение.

Например, вполне могла съездить в приют для бездомных собак и отдать деньги на их содержание. Вряд ли собаки, печально взирающие на мир из-за своих некрашенных загоронок, запоминали Джастину. Но ей согревала сердце мысль о том, что хотя бы на короткое время живым существам, лишенным собственного дома и хозяина, становилось сытнее (а, значит, и теплее).

Еще можно было делать пожертвования в дома престарелых. Ввиду миниатюрности Джастины она не могла жертвовать старикам собственную одежду, да и вряд ли пожилые люди оценили бы крой и эфемерность ее излюбленных тряпочек... Поэтому она просто переводила средства на счет подобных «заведений». А уж куда шли эти деньги – на теплую одежду, на лекарства или обследования – это уже было дело администрации.

Джастина подождала, пока вертящиеся двери торгового центра повернутся настолько, чтобы она смогла в них войти. На небольшом эскалаторе она поднялась на второй этаж, прошла мимо отдела детских игрушек и царства пластиковой бижутерии, дошла до знакомой кофейни.

Кофейня была почти что символической – три круглых столика, барная стойка, стеклянный прилавок, полки которого были густо утыканы пирожными.

Почему-то кроме парочки, которая заняла столик с двумя расположенными рядом уютными креслами, в кафе больше никого не было, несмотря на изобилие людей в торговом центре. Джастина села за свой любимый столик – он стоял возле углового дивана. Было низковато, зато очень уютно. И романтично. На столике горела свечка в красном стеклянном подсвечнике, стояла реклама глинтвейна, а Джастина, сидящая на диванчике, тонула в полумраке и вряд ли была с порога заметна посетителям кафе.

Пока до встречи еще оставалось время, можно было почитать... Джастина извлекла из сумочки книжку в потрепанной суперобложке и заинтересованно уставилась в строки, усеянные крупными буквами.

Но наслаждаться чтением Джастине пришлось недолго:

– Все читаешь?

Мужской голос был полон иронии.

– Привет, Ник, – Джастина подняла глаза, сдержанно улыбнулась.

– Привет. – Парень в сером вязаном джемпере и чернильно-синих брюках отодвинул для себя стул и сел, поддернув брючины.

– Давно ты здесь?

– Минут пять как пришла.

– Ясно. Кофе будешь?

– Нет, спасибо.

– Вот как... Чай?

– Не нужно, – отказалась Джастина, – я уже успела поужинать. С Мэгги.

– Я, небось, был главной темой ваших бесед за ужином?

– Неужели нам больше не о чем говорить, кроме как о тебе? – голос Джастины стал сухим и сдержанным.

Ник кивком подозвал официантку:

– Мокко, чизкейк, горячий бутерброд.

Джастина убрала в сумочку свой экземпляр «Маленького принца» Экзюпери. Она была готова к тому, что следующие полчаса ей придется уделить вежливой беседе.

В конце концов, бывший бойфренд – тоже человек, не правда ли? Если они расстались, это еще не значит, что они не могут разговаривать по-дружески.

По крайней мере, Джастине очень хотелось так думать.

Кофе и бутерброд Нику принесли практически мгновенно.

Он поднял с пола коробку, которую поставил туда при своем появлении. Протянул Джастине.

– Вот то, из-за чего я звонил тебе. Твои вещи...

– Спасибо, – поблагодарила Джастина.

– За что?

– Ну, наверное, за то, что передал их лично. А ведь мог и отослать с курьером, – хмыкнула она.

По ее мнению, Ник был способен и не на такое...

Как все-таки здорово, что они не слишком торопились с их отношениями.

С самого начала Джастина чувствовала, что ее будто что-то душит. Или кто-то.

Внешне все вроде бы было хорошо... Некоторые из подружек отмечали высокий рост Ника. Добродушное лицо. Говорили, что Ник и Джастина неплохо смотрятся вместе.

Вполне возможно, что так и было...

Формально все шло, как полагается. Созвоны в середине дня, симпатичные открытки на электронную почту после совместных ленчей, встречи в театрах или поздний кофе в маленьких ресторанчиках Эдинбурга...

Ник приносил цветы – герберы и бледные тюльпаны. На взгляд Джастины, ей не подходили ни первые, ни вторые, однако внимание всегда приятно.

И, да, они не торопились съезжаться.

Ник оставался у Джастины на уик-энды. Джастина, в свою очередь, приезжала к нему в середине недели. Это было удобно им обоим.

Но желания готовить Нику завтрак каждое утро у Джастины пока не возникало.

Ей было так комфортно и уютно в ее квартирке, оставленной родителями при отъезде в Лондон! У Джастины не было ощущения, что дому нужна хозяйская... точнее, мужская рука. Лампочки она с веселым насвистыванием вкручивала сама, ремонт квартире не требовался, а вот зеркало, заляпанное Ником при чистке зубов зубной пастой, она воспринимала с огорчением.

Да, кажется, даже квартира Джастины красноречиво сигнализировала девушке о том, что ее постоянный бойфренд – не самый желательный элемент среди прочих составляющих ее насыщенной и сумасбродной жизни...

Джастине, в свою очередь, было приятно просыпаться по средам или четвергам в центре города, впитывая шум машин и оживленного цоканья каблуками по тротуарам прохожих. Ник спешил на работу, а Джастине было куда проще добраться из центра к себе домой – пробки ожидали, главным образом, тех, кто добирался до офисов в центре с окраины города...

Да, в этом был определенный плюс... и была своя прелесть.

Но у Ника были своеобразные представления об уборке. Джастина не считала, что, приезжая в гости к своему парню, она первым делом должна хвататься за губку или за мою-

щий пылесос, однако в противном случае столкновение ее рукавов с толстым слоем пыли было неизбежно. Почему-то Ник считал, что придерживаться маниакального порядка в том, как и где разложены вещи, достаточно для того, чтобы в квартире было уютно. Но Джастине было все равно, как разбросаны вещи, лишь бы они разбрасывались и раскладывались по чистым поверхностям...

Лишь какое-то время спустя до Джастины дошло: это не способы уборки Ника и вообще его взгляды на жизнь раздражают ее, дело в самом Нике.

Но кое-какими вещами друг друга их квартиры успели обрасти. Ник забрал свои вещи сразу, и предложил Джастине сделать то же самое – при случае навеститься к нему и самой поискать вещички. Проблема была не только в том, что, следуя своей теории порядка, Ник распахивал вещи Джастины куда угодно, по любым ящикам, лишь бы не мозолили глаза. Джастина отчаянно не хотела сталкиваться с новой пассией бывшего любовника – красоткой Кимми.

Тем более что эту самую блондинку Кимми Джастине уже не раз и не два ставили в пример. Хотя Джастина никого об этом не просила. Но Ник не мог удержаться от того, чтобы «на прощание» не поучить бывшую подружку жизни. Он искренне считал, что Джастине это пойдет во благо. Да, лучше, конечно, рано, чем поздно... Словом, он посеет ростки благоразумия, а в один прекрасный день они дадут свои неизбежные всходы, и Джасси еще скажет ему спасибо... Пусть даже сейчас она и не ценит его стараний, взбрыкивает, как плохо объезженная лошадь, и огрызается. Либо же угрюмо отмалчивается.

Ник с аппетитом поедал горячий бутерброд, осыпая крошками и зеленью чернильные брюки. Джастина меланхолично перебирала мелочи в картонной коробке: записная книжка... ежедневник... набор гелевых цветных ручек в пластике... что-то кружевное в пакете, наверное, трусики или тоненькая маечка... DVD с фильмом «Мечтатели»... фотография в рамке... карманное издание Ремарка, карманное издание Лондона...

Минутку! Фотография в рамке?!

– Ник?..

– М-м-м?..

– Спасибо, конечно, что привез все мои вещи... и разыскал их по ящикам и шкафам...

Ник расплылся в широкой улыбке:

– Да не за что!

– Но зачем ты принес мне мою же фотографию?

Это была одна из любимых фотографий Джастины.

На ней она была сфотографирована для школьного альбома. Это была и любимая фотография мамы, поэтому мама отдала увеличить снимок и заодно распечатала сразу несколько экземпляров.

Джастина в оранжевом жакете, с гладко причесанными на косой пробор черными волосами, излучающими мягкое сияние, серьезно и сосредоточенно смотрит в камеру. Кажется, что пухлые губки, подкрашенные золотистой помадой, вот-вот готовы улыбнуться... Джастина лично считала, что этот снимок прекрасно ее характеризует: лукавство, которое не спряталось, которое ничем не скроешь, которое лишь на миг отвернулось, и в любой момент готово дать о себе знать...

Почти сразу же после знакомства с Ником она показывала ему фотоальбомы. И он, не считаясь с ее желанием, бесцеремонно изъясил эту фотографию. На память, сказал он. Тогда Джастине показалось, что это очень по-мужски: настойчиво, твердо. Сразу видно, он знает, чего хочет. И он хочет ее.

А теперь Ник возвращает ей эту фотографию?! Очень интересная мысль и неожиданный ход! Ведь Ник специально для этой фотографии заказывал рамку, которую делали из какого-то красивого камня...

– Видишь ли, малышка... Дело в том, что... Я в первую очередь думаю о чувствах Кимберли.

– Охотно верю, но при чем здесь Кимми? – сердито осведомилась Джастина.

– Представь, каково ей видеть каждый день твою фотографию на моем прикроватном столике?

– Так убери ее с прикроватного столика!

– Эй-эй! Не повышай на меня голос. Куда я, по-твоему, должен был убрать твою фотографию? На антресоли? В бельеовой шкаф?

– По-твоему, нам еще следует вернуть друг другу подарки и сувениры, которые мы с тобой дарили?

– Ну, ты чересчур утрируешь, мне кажется... Я не сделал ничего плохого. Просто вернул тебе фотографию.

– А потом ты и Кимми вернешь ее фотографию?

– На что ты намекаешь?

– Может быть, на то, что возвращать каждой из своих бывших подружек ее снимки – это еще глупее, чем хранить их в отдельной стопочке?

– Джастина, я что-то не понимаю, к чему ты клонишь. И вообще, Кимми не такая... Вряд ли мне понадобится ее фото на тумбочке или на стенке... Потому что я и так вижу ее каждый день.

Джастина замерла:

– Хочешь сказать, что вы уже съехались? – медленно произнесла она.

– Так уж получилось, – снисходительно кивнул Ник.

Джастина замолчала.

Теперь она жалела, что отказалась хотя бы от чашечки капучино. Было бы чем занять неловкую паузу, возникшую в разговоре после признания Ника.

– Что ж... – наконец выдавила она из себя, – я очень рада, что вы с Кимми так быстро определились.

Ну конечно, она рада. А разве могло быть иначе? Разве плохо, когда человек наконец-то счастлив? Джастина прекрасно понимала, что они с Ником категорически не подходили друг другу.

И все-таки что-то царапало. Наверное, одно дело – это понять, что вы с бойфрендом не можете составить одно целое, как половинка груши и половинка ананаса, и разойтись после исчерпывающей беседы.

И совсем другое дело – выяснить, что Ник, в общем-то, тоже не горел желанием продолжать их не слишком страстную связь, но встречаться с Кимми начал, еще не расставшись с Джастиной. Это было нечестно. Это было неприятно... О, да, разумеется, он как раз собирався все рассказать!..

Ник тем временем, царапая ложечкой карамелизованную поверхность чизкейка, принялся рассказывать о том, какая Кимми замечательная.

Эта невероятная девушка начинала утро с гимнастики и обливания прохладной водой. Ник уже четвертую неделю присоединяется к ней и теперь чувствует себя намного лучше, ну прямо-таки куда бодрее!

Кимми гораздо, гораздо более организованна, чем Джастина.

– О чем это ты? – уныло спросила Джасси.

Разумеется, она могла постоять за себя. Пусть и в словесной стычке. Но сейчас у нее стремительно портилось настроение. Не помешал бы хороший кусок шоколадного торта, в крайнем случае – просто дружеская поддержка. Если бы тут оказалась Мэгги, то они на пару с Джастиной могли бы высмеять восторженные излияния Ника. Мэгги не было. Мэгги

находилась дома, и в данную минуту наверняка занималась тем, что отмывала противень от запеченной на нем рыбы под соусом из белого вина и сливок.

– Она умудряется поддерживать порядок в доме и при этом никогда не опаздывает на занятия, – пояснил Ник.

– Ах, занятия... Да, разумеется.

Кимми работает инструктором по фитнесу в одном из спортивно-оздоровительных центров Эдинбурга. О, как она помогает женщинам преобразиться! Стать красивыми, подтянутыми, чаще улыбающимися... Кимми и сама в прекрасной форме.

– Не могу припомнить, чтобы я когда-нибудь жаловалась тебе на свою форму, – пробормотала Джастина.

– Ну, может, это потому, что у тебя ее попросту нет? – широко улыбнулся Ник.

– Прости, что?

– Это всего лишь шутка. Я имел в виду комплект спортивной одежды.

– Безумно смешно.

– Но, Джас, если серьезно... Твоя осанка могла бы быть и получше. Если хочешь, я дам тебе визитную карточку Кимми...

– Зачем? – поразились Джастина. – На кой черт мне ее визитка?

– Ну... Ты могла бы ходить к ней на занятия. Пилатес... степ... Очень помогает. Правда.

Джастина решила: встреча затянулась. Нужно прекращать ее, пока она окончательно не превратилась в театр абсурда. Она уже сделала то, за чем встречалась в этом кафе с бывшим другом: забрала свои вещи. Кажется, хорошенького понемножку – пора завязывать.

Она уточнила напоследок, поднимаясь:

– А твоя... эээ... подруга... Она сделает мне скидку?

– Скидку? – оторопел Ник. – С какой это стати?

– Как твоей бывшей девушке, – едко заметила Джастина. – Как-никак, Кимми должна быть мне благодарна.

– Благодарна?! Это за что же?..

– Это ведь благодаря нашим с тобой отношениям ты можешь оценить мисс Кимберли по достоинству.

– Вот это наглость, – усмехнулся Ник, – все-таки возьми визитку: сможешь позвонить Кимми и попросить ее о занятиях... полностью бесплатных. Ведь твоя услуга... хм... бесценна.

Джастина криво улыбнулась, подумав: а ведь встреча начиналась вполне невинно. Наверное, должен быть какой-то закон, согласно которому бывшие любовники не имеют права встречаться какое-то время после разрыва. Сколько же должно пройти времени, интересно? Месяц, три месяца? Полгода? Или даже год?..

И почему люди, которые проводили часы и дни в постели, получая удовольствие от тепла друг друга, впоследствии получают похожее удовольствие от стрел и колючек, выпускаемых в адрес другого?

– Всего хорошего тебе, Ник, – вежливо попрощалась она, застегивая пуговичку у горла. Подумала – стоит ли передать привет Кимми – и решила, что, пожалуй, не нужно этого делать. А теперь она поедет домой и хорошенько выспится.

Ник в задумчивости смотрел на нее.

От чизкейка отломилась карамельная веточка и приземлилась туда же, где уже уютно примостилась петрушка. Ник не замечал этого, по-прежнему продолжая сидеть с задранной над блюдцем вилкой...

– Знаешь, – неторопливо произнес он, наконец-то раскрыв рот для сокрушительного удара, – в сущности, ты не такой уж и плохой человек. Да, немного вяловата в постели... но

и это не страшно. Вот главное, что отличает тебя от Кимми: у нее есть цель в жизни. Есть стабильное занятие. И у меня есть цель. А у тебя – нет...

Кажется, теперь она не поедет напрямик домой.

Теперь, пожалуй, она вернется к Мэгги – наверняка у подружки еще осталась порция-другая рыбы... а заодно и бутылочка хорошего вина.

Теперь она вернется к Мэгги и с чувством, с толком, с расстановкой напьется...

3

Мэгги, разумеется, не на шутку встревожилась.

Еще бы: несколько часов назад Джастина, будучи в полном здравии и бодром расположении духа, уехала от нее домой. А теперь вдруг вернулась – мало того, что на ночь глядя (само по себе это не было проблемой), да еще и мрачнее тучи.

– Проходи-проходи. То есть заходи снова. Что-нибудь случилось? Что это за коробка у тебя в руках?

– Ну как же... Это ведь мои вещи, – сообщила Джастина и слегка всхлипнула.

– Вещи. Просто замечательно. Откуда?

– Я встретила с Ником.

– А отменить это важное событие было никак нельзя?

– Наверное, можно, – помедлив, призналась Джастина. – Все равно это не привело ни к чему хорошему.

– О чем ты говоришь? Вы поссорились?

Джастина рассмеялась: в этом смешке отчетливо прозвучала горечь.

– Ну да. Само собой. Мэгги, очнись: мы ведь расстались. Как мы могли поссориться еще больше, чем уже навывисняли отношения?

– Хм... Да, действительно, – пробормотала Мэгги. Джастина прошла вслед за ней на просторную, ярко освещенную кухню.

– Но ты права, – она небрежно задвинула картонку в угол носком ноги, – ничего хорошего из нашей встречи все равно не вышло. Я не собиралась его обижать. Это он наговорил мне гадостей... Ты представляешь, он...

Мэгги, решительно расправив худенькие плечи, совершила самую правильную в данной ситуации вещь:

– Стоп! – громко заявила она. – Я слышать ничего не желаю! Вещи эти отнесешь домой, если они оказались так уж нужны тебе. А что касается Ника – я больше не стану слушать этого имени. И, знаешь, производных от него тоже изволь отныне не упоминать.

– Но... как же так? – растерянно пробормотала Джастина.

– А вот так. Детка, ты когда-нибудь читала таблоиды? Ну, разные новости и сплетни из жизни звезд? Может, под этими сплетнями иногда даже скрывается и совершенно реальная информация.

– К чему такое вступление? – Джастина сморщила курносый нос.

– А вот к чему, милая. Когда ты переворачиваешь последнюю страницу, ты делаешь это окончательно. Ты не перечитываешь этот бульварный листок, ты отправляешь его в мусорное ведро. И отправляешься дальше – жить своей жизнью. Своей, а не чьей-то чужой, не надуманной. Все, что Ник мог наговорить тебе про тебя же, настоящей Джастины Доннел не касается! Это прошлый роман, и остался он там, где ему и полагается быть – в прошлом.

– Мэгги, но ведь то, что он сказал, не может быть справедливым...

– Именно поэтому я и не вижу смысла все это обсуждать. Если хочешь, мы поговорим о моей работе, о твоей семье, о прогулках, магазинах, книгах. Только не о том, что вы с Ником наговорили друг другу. Направь свою энергию в будущее, не в прошлое! Вы ведь даже не сумели остаться друзьями, кажется...

– Кажется, да, – эхом откликнулась Джастина.

– Так что самое нынче время выбросить его из головы и как следует задуматься.

– Задуматься? О чем?

Мэгги ловко резала пшеничный хлеб с отрубями на деревянной доске.

Рыба уже подогревалась в аэрогриле. Джастина, желая быть полезной, потащила пробку из початой бутылки с белым вином.

– Вспомни о том, кто ты есть... Не о том, какой тебя хотят или хотели видеть. Да ты давным-давно растеряла весь свой задор! Ты-то себя каждый день в зеркале видишь. А для тех, кто сталкивается с тобой реже... как я, например... перемены слишком очевидны. Они более чем бросаются в глаза. Где та Джастина Доннел, которую все любили именно за то, что ее ничем нельзя смутить?

– Так уж и ничем!

– Она редко унывала. Не пыталась соответствовать чьим-то понятиям. Всегда наслаждалась жизнью. Никто не мог сравниться с ней в умении кадрировать мальчиков на любом танцевальном вечере. Для этого ей даже не требовалось начинать танцевать.

– А вот и неправда.

– Чистая правда.

– А вот и нет!

– А вот и... да.

– Ты что-то путаешь.

– Да брось, это у тебя проблемы с памятью. Сознайся.

– Ну, может, и так...

– Кто одевался ярче всех? Когда это ты успела полюбить унылые цвета?

– Я просто... хм... кажется, я несколько раз заглядывала магазины в сопровождении...

– Кого?

– Кажется, его имя больше нельзя произносить? – лукаво прищурилась Джастина.

– Кажется, да. Нужно проверить: может быть, в морозилке еще осталось мороженое...

– Ух ты! Мороженое! А какое?

– Клубничное, разумеется.

– Разве у нас сегодня особый вечер?

– Тебе решать. Если особый, то... мы смотрим «Грязные танцы».

– А если обычный?

– Тогда и набор будет стандартным – «Красотка», «Призрак» или что-то в этом духе.

– Хочу, чтобы вечер был особенным, – решительно произнесла Джастина.

Мэгги улыбнулась с затаенным облегчением.

Ее план вполне удавался.

Мало ли что считала она сама! Это она видела, что Ник не был Джастине ни ровней, ни достойной парой. Девчонка вбила себе в голову невесть что... уже начала думать, что с ней не все в порядке. На самом деле комплексами нужно было бы обрастать не ей, а ее бывшему кавалеру. Но сказать об этом Джастине еще ничего не значило. Нужно было чем-то ее занять. Отвлечь тем, что по-настоящему затрагивает струны ее души.

Кажется, тонкая и проникновенная мелодрама с элементами чувственных танцев, повествующая о жизненных противоречиях, вполне неплохо подходила для этого.

А завтра будет новый день, и у Джестины будут новые дела.

Нужно лишь только вдохновить ее на поиски нового смысла. Подтолкнуть ее к тому, чтобы она загорелась заняться самой собой. Иначе с нее станет сидеть в четырех стенах и посвящать все свободное время самоедству.

К слову, до связи с Ником за Джестиной такого не водилось. И это тоже было нехорошим признаком.

Но теперь-то все позади. Эта история забудется, словно стертая ластиком с промокальной бумаги, не оставив после себя ничего, кроме непривлекательных катышков воспоминаний.

А потом забудутся и воспоминания. На смену им придут новые яркие дни, веселые события и очередные увлечения...

– Я уже там все приготовила! – на пороге кухни появилась изрядно повеселевшая Джастина.

Мэгги с удовольствием отметила, что знакомые огоньки «жизнелюбия», как она это называла, вновь то и дело дают о себе знать во взгляде лучшей подруги.

Спать они отправились только около двух часов ночи.

До этого девушки успешно расправились с остывшей рыбой, прикончили остатки вина, оставили клубничное мороженое таять на блюдцах, лениво ковыряя его и не желая отвлекаться от лицезрения мужественного лица и рельефного торса Патрика Суэйзи. Потом они еще немного поболтали, потом Мэгги силком отправила Джастину в ванную:

– Ты можешь и не мыть сейчас голову, – заявила она, – но косметику надо смыть непременно!

– А я и забыла, что днем красилась, – удивленно произнесла Джастина, – это же надо, так и уснула бы с тушью на ресницах...

– Ты встречалась с бывшим, – жестко припечатала Мэгги, – а это, считай, условный рефлекс.

– Да... Да, наверное, так и есть.

Утром Мэгги нужно было подниматься на работу.

Джастина же никуда не спешила.

– Если хочешь, я задержусь тут и помою посуду, – предложила она. – А дверь потом захлопну...

– Если хочешь, возьми ключи, – проворчала Мэгги.

– Зачем мне твои ключи?

– Отправляйся на прогулку, а потом возвращайся.

– Зачем?

– Ну... Мне кажется, тебе стоит побыть здесь некоторое время.

– О, мамочка... А мне кажется, что ты слишком опекаешь меня.

– Когда я увижу, что ты окончательно пришла в норму, можешь катиться на все четыре стороны.

– И как же ты будешь определять эту норму?

Мэгги минуту что-то соображала.

– Вот что, – наконец произнесла она, – придумай, что ты будешь делать дальше.

– В смысле?

– Найди себе какое-нибудь занятие. Мне все равно, что это будет, лишь бы ты получала удовольствие.

– А если я нафантазирую про это занятие? – прищурилась Джастина.

– В смысле – нафантазируешь?

– Я сочиню что-нибудь, а ты будешь пребывать в уверенности, что я занята делом.

– Молодец, – усмехнулась Мэгги, – спасибо за подсказку. Будешь предъявлять мне результаты своей деятельности.

– Отлично... Значит, просто думать, прикидывать и планировать что-либо я не могу.

– Конечно, нет!

– Чудовище. Отправляйся уже в свой офис. А я пока придумаю, чем тебя можно будет отравить... на ужин.

Расцеловавшись, подруги расстались.

* * *

Только настойчивый стук в дверь заставил Джастина подняться из кресла, где он уже успел задремать.

– А, это ты.

– Да, кто же еще?

– В общем-то, кто угодно. Родственники, знакомые. Даже, не представляешь, коллеги.

Кирк поднял брови:

– А им-то здесь что вдруг понадобилось?

– Ну как же. Выразить сочувствие.

– Это нормально. Ты не находишь?

Джастин молча пожал плечами.

– Могу я войти?

Джастин помедлил с ответом.

– Зачем? – наконец произнес он.

– Мне кажется, что если бы с тобой кто-то побыл, тебе было бы не так одиноко.

– А мне не *одиноко*.

Кирк продолжал стоять на пороге. Джастин не отодвигался вглубь прихожей, и проходить другу было некуда.

– Я нормально себя чувствую. Правда.

– Ты сегодня вообще ел что-нибудь? А вчера?

– Мамочка, привет... Да какая вообще разница, ем ли я?

– Джастин, большая. Ты *живой*, и тебе нужно есть.

– Не поверишь, но именно об этом я сожалею больше всего, – тихо произнес Джастин.

– Да что ты мелешь за чепуху? – взорвался Кирк. Ему было неприятно, что его держат на пороге. Что он явился сюда с другого конца города, а его время не ценят – лучший друг даже не приглашает его войти.

Джастин с удивлением смотрел на него, словно не узнавая. Он и впрямь не узнавал его. Та часть мозга, которая отвечала за родственные и дружеские связи, словно уснула. Мир по-прежнему был отгорожен от Джастина толстым слоем ваты. Да, он, конечно, ведет себя не совсем красиво... но ведь он никого и не звал к себе, правда? Не просил сочувствия, внимания. Не требовал переживать за него или сопереживать ему. Ничего этого он не хотел.

Он вообще ничего не хотел...

Если ему что-нибудь понадобится, то он в состоянии сам сообщить об этом. А пока – нельзя ли оставить его в покое?..

– Кирк, давай я позвоню тебе... попозже. А? – предложил Джастин. Он даже был не в состоянии что-то объяснять. Там, где нужно было произносить несколько фраз, он предпочел бы объясниться несколькими словами.

А еще лучше – одним словом.

«Да».

«Нет».

«ПОТОМ».

Когда-нибудь потом.

Всё, всё потом...

– Не позвонишь, – угрюмо произнес Кирк, который в целом здраво оценивал происходящее.

Но давить на Джастина ему тоже не хотелось. И устраивать сцены, как это сделала бы женщина, не было ни малейшего желания.

Чего ему добиваться от Джастина? Душесипательных бесед? Спасительных разговоров? Чтобы тот вывернулся перед лучшим другом наизнанку?

А если выворачиваться пока нечему?

Кирк медлил. Оставлять Джастина одного ему тоже не хотелось. Но ведь не сядешь нянькой, угрюмым сычом в углу, не будешь наблюдать, как Джастин часами смотрит телевизор, листает журналы... или что он там еще может делать? Рассматривать старые фотоальбомы, где полно фотографий бывшей жены?

– Ладно, – наконец решил он. – Я пойду. Но ты звони, если что, хорошо?

Джастин кивнул.

– Сейчас пойду и сделаю себе омлет, – тусклым голосом пообещал он. – Вот прямо сию минуту пойду и сделаю. Честное слово.

– Ну, давай, дружище, – Кирк хлопнул его по плечу.

Когда за другом закрылась тяжелая дверь, обшитая дубом, Джастин в самом деле пошел на кухню. Он даже открыл холодильник... Странно, что тот не был пустым. Ах да – ведь к нему как-то заезжала мама. Видимо, выкинула все ненужное, положила кое-какие продукты.

Джастин положил в мойку яйца, поискал пакет с молоком и не нашел. Тогда он решил хотя бы посыпать омлет сыром, вытащил кусок желтого сыра с большими дырками и положил на стол. Его взгляд случайно упал за окно...

Джастин замер.

Интересно, как часто она смотрела в это самое окно, когда готовила?

Джастин раньше никогда не задумывался об этом.

Он, конечно, не был чужим на своей собственной кухне. Подходил к холодильнику... чтобы достать кетчуп или майонез. Чтобы вытащить помидор или яблоко, сполоснуть в раковине и крупно нарезать.

Варил себе кофе в кофемашине. Но он почти никогда не стоял за этим разделочным столом, его взгляд не упирался в окно. Окно демонстрировало темный ствол кряжистого дерева. Казалось, он был темным от влаги – окутавший город туман еще не вполне рассеялся, даже подгоняемый нетерпеливыми лучами поднявшегося солнца.

Клейкие листочки нежнейшего зеленоватого цвета готовы были вот-вот распуститься.

Интересно, сколько раз в день она смотрела на это дерево?

И замечала ли она, как меняется пейзаж за окном?

Вот дерево почти неразлично в сумерках. А вот его шершавая кора позолочена солнцем. Облеплена мягким снегом. Ясным днем различимы даже прожилки на листьях.

Теперь она уже не увидит свежей, молодой листвы, со дня на день обещающей распуститься на этом дереве за кухонным окном.

Она больше никогда не увидит этого дерева...

А он больше никогда не увидит ее.

Обещание, данное Кирку, было забыто. Джастин даже не вспомнил про мокрые яйца в раковине, про сыр, который к вечеру окончательно заветрился и высох.

Поднявшись в спальню, Джастин с обреченным вздохом рухнул на широкую кровать. Кровать едва слышно скрипнула. Это был жалобный скрип.

Теперь он не мог спать нигде, кроме как в их супружеской постели. Ему казалось, что, выбирая местом ночевки диван в гостиной, он предает их с женой близость. Джастин лежал на смятом покрывале с роскошными вышитыми ирисами, глядя в потолок бессмысленно, бездумно. Он уже ничего не помнил, не хотел ни есть, ни пить.

В кабинете зазвонил телефон. Джастин прослушал несколько звонков, после чего автоматически включился автоответчик, возвестив об этом бодрым писком. Что наговорил звонящий на автоответчик человек, Джастин не слышал. И не пошел проверять.

Он лежал на смятой постели час, другой. Пошел третий. Перед внутренним взором Джастина не проносились путанные картинки, яркие воспоминания, слова, фразы или образы. Он видел только одну картину: мраморный памятник с самой жизнерадостной фотографией его любимой женщины. Он видел только это.

Потом он заснул.

– Пойдем в кино?

Этого ему только не хватало.

– Зачем?

– Ну... Интересный фильм. Тебе будет полезно встряхнуться.

– Не хочу, чтобы меня трясло.

– Я образно. Не преувеличивай. Когда ты последний раз выходил из дома?

– Какая разница?

– Да, действительно... Ладно, пойдем.

– Чего я там не видел?

– Говорят, хороший фильм. Про *любовь*...

Про любовь – только этого ему не хватало.

Но он пошел. Чтобы отстали. Чтобы оставили в покое. Ведь если думают, что он в порядке, что он пошел с ними потому, что ему хоть немного хочется – больше не дергают.

По крайней мере, пока едешь в кинотеатр, и пока берутся билеты, покупается диетическая кока-кола, шоколадки. Пока идет реклама и на экране наконец появляется заставка к фильму. Джастин собирался проспать весь сеанс. В крайнем случае, если будут толкать в бок и требовать его внимания на экран – можно сидеть с открытыми глазами, думать о своем.

Но заснуть почему-то не удавалось. Ах, да... Кофе. Проклятый чертов кофе. Зачем он сварил себе такой крепкий эспрессо? Надо было хотя бы разбавить его водой. Сна не было ни в одном глазу...

Пришлось вполуха слушать голоса героев с экрана. История рассказывала о вдовце. Главный герой, мужчина в самом расцвете сил, тоже потерял жену. В фильме виной тому была автокатастрофа. Джастин поежился.

Но герой не распустился, не впал в отчаяние – вместо этого он написал книгу. В этой книге он рассказывал о своих чувствах, о событиях своей жизни. О том, как пережить потерю.

Неожиданно эту книгу опубликовали. Парня пригласили вести тренинги. Теперь он был не просто человеком с улицы – он был популярным писателем, к тому же автором методики, ведущим семинаров на тему «Как пережить гибель близкого человека».

Так вот зачем его потащили на этот фильм. Хотели ткнуть его носом в его же поведение.

Ладно. Пусть будет не ткнуть носом. Ему хотят сообщить, что множество других людей тоже пережили нечто подобное. Но вот, их жизнь продолжается – они встречаются с другими людьми, с мужчинами, с женщинами. Ходят по раскаленным углям на семинарах, поднимаются на крыши небоскребов, учатся видеть иную перспективу, менять отношение...

Отношение к тому, чего нельзя изменить.

Да что это такое, мать вашу? Почему бы им всем не оставить его в покое? Разве они знают, понимают, что он пережил? Что он чувствует?

Ему страстно хотелось выругаться. Послать весь мир к черту.

Не осознание того, что за билеты уже было заплачено, и заплачено немало – дорогой киноцентр, vip-места, вечерний сеанс в разгар уик-энда, – заставило его досидеть до конца этой слезливой истории. Нет. Только вежливость и еще сохранившееся уважение к тем, с кем он сюда приехал, удержали его от резких и демонстративных поступков.

Однако если его приятели продолжают в том же духе, ему придется пересмотреть некоторые свои постулаты относительно уважения.

После фильма разошлись не сразу. Те, кто был не за рулем, предпочли затариться пивом в алкогольном супермаркете. Местом для распития спиртных напитков почему-то единогласно был выбран дом Джастина.

Если ненадолго, подумал он, то почему бы и нет...

Может быть, оживленные голоса разгонят призрачные воспоминания в его доме, изменят к лучшему атмосферу.

Он плохо подумал, прежде чем принимать такое опрометчивое решение.

– Где у тебя миски?

– Зачем тебе миски?

Ему продемонстрировали несколько пакетов с кукурузными хлопьями, чипсами, хрустящими крекерами с зеленью:

– Закуска!

– А... – Джастин безразлично махнул рукой по направлению к верхним кухонным шкафчикам. – Керамические. Возьми там. Осторожно. Не разбей. Их выбирала... впрочем, неважно.

Расселись в гостиной. Миски с чипсами и сырной соломкой передавались по кругу. За беззаботной болтовней маскировалось беспокойство по поводу Джастина...

– Что вы думаете о фильме, ребят? – бросил кто-то.

К удивлению окружающих, Джастин ответил первым:

– Не стоящая внимания мелодрама. Никчемная безделушка. Неужели сейчас нет других, мало-мальски стоящих фильмов? Какого-нибудь блокбастера, или, наоборот, авторского кино?

– А мне кажется, ты этот фильм недооцениваешь.

Джастин не повелся на подначку, всем своим видом показывая, что дальнейшее обсуждение сюжета фильма ему неинтересно. Он плотнул из своего стакана апельсиновый сок. Вкуса, впрочем, он не почувствовал. Как и на протяжении нескольких последних дней.

– Там же говорится об очень важных вещах. О том, как сложно научиться жить со своей потерей. Но ведь это необходимо сделать...

Джастин понял, что целью собравшихся был вовсе не легкий непринужденный треп под пиво и прочий «легкий» алкоголь. Не дружеская беседа компании, которой не хочется расходиться после приятно проведенного совместного времени. Вовсе нет. Целью этого собрания был он, Джастин. И спасение его заблудшей души.

Тьфу! То есть, конечно же, попытка возродить его к жизни.

Джастину почему-то не хотелось радоваться, что за него переживает столько людей. Что в его окружении нет равнодушных и черствых персонажей. Он чувствовал лишь усталость. Безмерную усталость и раздражение сверх всякой меры. В самом деле, пусть в том, что они говорят, есть свое разумное зерно. Но даже зерно не может перескочить стадию созревания и роста, будучи брошенным в обильно увлажненную и удобренную землю! Зерно не может стать колосом за считанные дни. Должно пройти лето... А если ребенок родится раньше срока, то он будет недоношенным. Недоразвитым! Так чего же они хотят от него, от Джастина?

Чтобы он нацепил на лицо маску оптимизма, лицемерно изображал спокойствие, которого на самом деле не чувствует?

Черт знает что такое. Он не просил принимать столь активного участия в его делах. Разве можно требовать от него, чтобы он изображал то, что на самом деле не чувствует?

По крайней мере, *пока* не чувствует...

И снова вежливости Джастина хватило, чтобы сослаться на внезапно ухудшившееся самочувствие. Мол – тошнота и озноб, не просквозило ли в кинотеатре? Гости поспешно подхватились, собрались и вышли, предварительно помыв за собой керамические миски, унося мусор в виде пустых бутылок и скомканных бумажных пакетов.

Кирк не унимался.

Как-то днем он заехал к Джастину, держа под мышкой коробку, от которой остро и вкусно пахло.

– Что это? – безразлично уточнил Джастин.

– Пицца. Твоя любимая.

– А какая пицца – моя любимая?..

– Старик, ты даешь. Грибы, ветчина, сыр, оливки. Классика, одним словом! Я ненадолго улизнул с работы. Перекусить. Одному было скучно, и я подумал – может быть, мой старый приятель Джастин составит мне компанию?

– Проходи, – уронил Джастин.

Кирк за считанные минуты смолотил половину огромного круга пиццы. Джастин обглаживал кромку первого куска...

Внезапно Кирк хлопнул себя по лбу:

– Как же я мог забыть!

– О чем ты? – поинтересовался без особого любопытства Джастин.

– Приятель по волейбольной команде подкинул мне небольшую книжонку. Там... – Кирк прокашлялся, – там про то, как можно получать удовольствие от жизни. Я вот проглотил за полночи, меня здорово заинтересовало. Подумал – может, тебе тоже станет интересно? Могли бы потом обсудить.

Воцарилась ледяная тишина.

Ледяная главным образом из-за того, что выражение лица Джастина стало очень уж неприветливым.

– Скажи, – тихо спросил наконец Джастин, – неужели я так осточертел всем вам со своим горем?

Кирк порядком смутился и даже слегка покраснел.

– Что ты! Конечно, нет! Просто...

– Разве я называю кому-нибудь из вас – хоть кому-нибудь! – среди ночи, и ною, и жалуясь, как мне тяжело?

– Пожалуй, что нет...

– Пожалуй?!

– Нет! Не звонишь.

– Тогда отчего бы вам просто не оставить меня в покое?! Я еще могу понять, если бы я донимал вас жалобами...

Не выдержал и Кирк:

– Пожалуйста! Звони! Пиши! Приходи! Донимай, как ты выражаешься, «жалобами»! Может, все-таки не стоит изображать из себя железного герцога или ледяную статую? Может, стоит показать окружающим, что у тебя тоже есть чувства? Я имею в виду... Если бы ты делился тем, что у тебя на душе, а не давил бы в себе переживания, тебе стало бы легче намного быстрее.

– Я ничего не давлю. Вы что, куда-то торопитесь?

– Не пойми неправильно... Но, Джастин, нам ведь тебя не хватает.

– В каком это смысле? – Джастин удивленно уставился на своего друга.

– В прямом! В прямом! Джастин, заводила и шутник. Неутомимый спорщик и выдумщик. В его жизни, помимо работы, было полно места для друзей, отдыха и интересного вре-

мяпрепровождения. Нам не хватает тебя во время игры в баскетбол. Нам не хватает загородных пикников с твоим участием. И, да, нам не хватает твоих приглашений на глинтвейн, вечера с блинчиками, «Монополией» и бильярдом.

– А мне не хватает ее, Кирк, – тихо произнес Джастин, – так, может быть, ты все-таки окажешься в состоянии поставить себя на мое место?..

Книжку в этот вечер Кирк все-таки унес с собой.

Но он не успел предупредить маму Джастина о том, что необходимость в их маленьком заговоре отпала. А, может, просто забыл о том, что и миссис Брайт должна в скором времени нанести визит своему единственному сыну...

Ничто не предвещало грозы.

Мама и Джастин чинно пили черный чай с жасмином прямо на кухне. По большей части оба молчали – не знали, о чем говорить. От врожденной деликатности мама мучилась, не зная, как приступить к делу.

– Послушай, Джастин! А что ты делаешь послезавтра вечером?

– Ты снова хотела заехать? Может... м-м-м... лучше попозже? Скажем, через несколько дней? Через три. А лучше – через пять.

– Не вопрос, – согласилась мама, – но дело не в этом.

– В чем же? – Джастин взглянул на мать с легким подозрением.

– У меня есть... хм... пригласительный.

– Пригласительный?

– Да. Один пригласительный билет.

– Куда? На фотовыставку? Симпозиум стоматологов? На мюзикл?

– На тренинг, – прошептала мама.

– Что? Как?!

– Это бесплатный пригласительный! – заторопилась она. – И ни к чему тебя не обязывает. Ты можешь просто прийти на один вечер, посидеть, понаблюдать. А уж если тебе будет интересно, ты запишешься... и примешь участие...

– Это что-то вроде семинара на тему «как справиться с утратой»? – с обреченным видом спросил Джастин.

– Ну... да. Но...

– Я правильно понимаю, что это шуточки Кирка?

– Да разве это шутки, Джастин?

– Согласен, я неверно выразился. Конечно, не шутки. Это всего лишь небольшой вселенский заговор, выстроенный вокруг меня и моей жизни.

– Кажется, я зря затеяла этот разговор, – благоразумно заметила мама, убирая пригласительный обратно в сумку.

Но Джастина уже было не остановить:

– Вы, должно быть, действительно сговорились! Я еще понимаю – парни, они в большинстве своем все без головы! Но ты-то, мама! Ты – и туда же, играть с ними в их дурацкие игры! Не надо меня спасать! Приводить в чувство, возвращать к жизни! Не на-до! Знаешь, чего я хочу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.